

УДК 1(091) + 140.8

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-6-19

Культуральный топос межвоенного периода в интеллектуальной рефлексии русской эмиграции

Д. К. Сатыбалдина

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Предпринята попытка по-новому осмыслить интеллектуальное наследие мыслителей русской эмиграции и представителей течения евразийства в частности. Анализируя концепт культурального топоса и интеллектуальное наследие представителей русской эмиграции, автор приходит к выводу, что в Европе межвоенного периода формируется особый культуральный топос – евразийский.

Ключевые слова

культуральный топос, межвоенный период, постимперская ситуация, евразийство, русская эмиграция, интеллектуальная рефлексия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 17-18-01165)

Для цитирования

Сатыбалдина Д. К. Культуральный топос межвоенного периода в интеллектуальной рефлексии русской эмиграции // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 6–19. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-6-19

Cultural Topos of Interwar Period in the Intellectual Reflection of Russian Emigration

D. K. Satybaldina

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn
Yekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

In this article, the author tries to present a new view on Russian emigration thinkers' intellectual heritage and representatives of the Eurasianism movement in particular. By analyzing the

© Д. К. Сатыбалдина, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 2

concept of cultural topos and reflections of the representatives of the Eurasianism ideological trend the author concludes that Europe of the interwar period saw the formation of a special cultural topos – the cultural topos of Eurasianism.

Keywords

cultural topos, interwar period, post-imperial situation, Eurasianism, Russian emigration (White émigré), intellectual reflection

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 17-18-01165)

For citation

Satybaldina D. K. Cultural Topos of Interwar Period in the Intellectual Reflection of Russian Emigration. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 6–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-6-19

Введение

Труды мыслителей русской эмиграции и евразийцев в частности неоднократно анализировались историками, философами и искусствоведами, которые оценивали роль евразийства в истории отечественной мысли, пытались найти в их работах ответы на проблемы современного российского общества, однако в данной статье мы хотим предложить новую интерпретацию интеллектуального наследия этого идейного течения – представить его как особый культуральный топос, сложившийся в общественном пространстве русской эмиграции.

Не секрет, что изменения социально-культурного ландшафта стран и континентов в большей или меньшей степени всегда находили отражение в творчестве и интеллектуальных размышлениях современников. Особое место в описании подобного рода изменений занимает Первая мировая война, которая послужила их катализатором в огромном количестве социальных, культурных, политических, экономических и исторических систем, казавшихся до того момента нерушимыми: «действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием. Быстрота движения росла от столетия к столетию. Нет больше ничего прочного, все вызывает вопросы и втянуто в возможное преобразование при внутреннем трении, неизвестном в XIX веке» [Ясперс, 1991. С. 297–298]. Европейские интеллектуалы по-разному оценивали свое место в со-

бытиях Первой мировой войны, но мыслители из Российской и Австро-Венгерской империй занимают особое место на карте данных событий, поскольку Первая мировая война кардинально изменила их государства, более того, многим из них пришлось покинуть родину, оставив почти все свое имущество и сменив социальный статус. События Первой мировой войны и межвоенного периода стали причиной различного рода миграций как внутри Европы, так и за ее пределами, при этом, наряду с уже известными формами миграции, ярко выделяется вынужденная интеллектуальная миграция, дошедшая до таких крайних концентрированных форм, как «философский пароход» 1922 года.

Известно, что многие авторы разделяют интеллектуалов, рефлексировавших над событиями Первой мировой войны и межвоенного периода, на две группы: тех, кто продолжал интеллектуальную традицию ушедшего века, для кого прекрасная эпоха осталась позади, и тех, кто пытался осмыслить ситуацию межвоенного периода в общем историческом контексте, всесторонне оценить общественные изменения и считал, что «в полной мере особенность межвоенного периода можно определить, если отразить истину этого разрыва между эпохами», показать, что «цепь разорвана и обнаруживается “пустое пространство”, разновидность исторической ничейной земли, которая может быть описана только как “уже не” и “еще не”» [Черепанова, 2018. С. 99]. В данном случае и русская миграция начала XX в. не является исключением, подобное культурно-смысловое расхождение замечалось философами и идеологами русской эмиграции в 20-х гг. XX в. Подтверждение этому мы можем найти в переписке видных деятелей евразийского движения Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского, посвященной специфике, структуре православных институций и роли православия в среде эмигрантов: «статья моего дяди в “Русской мысли” в этом отношении чрезвычайно типична для всего его поколения. Но как раз эта статья, написанная, я уверен, с самыми лучшими намерениями, ясно показывает, насколько неопределенность в подобных вопросах практически вредна» [Трубецкой, 2008. С. 83].

Идейные расхождения между различными поколениями мигрантов постоянно присутствуют как в переписке двух соратников по евразийству,

так и в их отношениях с другими идейно-культурными течениями, например, Братством Св. Софии. Помимо отмеченного разделения на людей, живущих прошлым и его идеалами, мы можем говорить об интересном феномене формирования картины-описания родины, которое происходит вдали от непосредственных событий, происходящих на ее территории, а также под влиянием внутренних проблем эмигрантского сообщества. Это сообщество было и многочисленным, и географически разбросанным по разным странам Европы, а также представляло различные социальные группы населения бывшей Российской империи. Активное переживание событий Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г., на наш взгляд, послужило отправной точкой для формирования особого культурального топоса в среде русской эмиграции, находившейся в Европе межвоенного периода, нашедшего отражение в письмах, дневниках и научных работах.

Культуральный топос: особенности понятия

В данной работе мы будем использовать понятие культурального топоса, которое позволяет описать социально-культурные процессы, происходившие в среде русской эмиграции межвоенного периода. Важным аспектом определения культурального топоса для нас является сочетание территориальности с определенными историко-культурными единицами, например, с такими, как социальная группа, государство, империя, художественное объединение, интеллектуальное течение. Как отмечает Е. С. Черепанова, «культуральный топос предполагает единое понимание ментальной и социально-практической активности как участников событий, так и тех, кто впоследствии берется эти события интерпретировать. <...> Топос в данном смысле позволяет понять межвоенный период не только как вневременной ментальный образ, но и как междувременный – между временем старой и новой империи, между миром старой культуры и предчувствием новой, как постимперскую ситуацию» [2018. С. 103], а также подчеркивает, что интеллектуалы, объединённые общими проблемами, формируют особые ментальные, групповые пространства.

На наш взгляд, формированию подобного культурального топоса в среде русской эмиграции послужила вынужденная разлука с родиной, при которой интеллектуалы, с одной стороны, стремились понять, каким образом они оказались на чужой территории, как долго продлится «болезнь» под названием «большевизм» и какие альтернативы они могут предложить России, а с другой – чем больше времени они жили в эмиграции и чем прозрачнее становилась возможность реставрации старых порядков (или же установление новых – несоциалистических), тем активнее становилась повестка о формировании и устройстве «русского» социального пространства за рубежом, подтверждающая идею, что «на самом деле пространство квалифицируется не метрически, но прежде всего социально» [Филиппов, 2008. С. 215].

Использование пространственного / топологического параметра в описании специфики восприятия исторических и культурных событий, присутствия и расположения субъекта в социальном пространстве становится важной составляющей философских рассуждений XX в. От понятия «присутствия» у М. Хайдеггера до пространств, организующих и формирующих специфику социальных групп у М. Фуко.

Культуральный топос позволяет выявить и описать весьма пестрые по составу и разбросанные территориально социально-культурные группы, которые объединены общим практическим опытом, ментальной и языковой активностью на протяжении не одного десятилетия, потому что непосредственное прокладывание границ и определение территорий представляется сложной задачей. По мнению А. Ф. Филиппова, в подобном случае «речь может идти лишь о руководящих наблюдением и поведением ориентирах – обладающих разной степенью принудительности материального и/или социального факта. Но эти ориентиры важны для нас не просто как намеки на некоторое возможное членение мест как отчетливо прорисованных на картах территорий. Скорее, речь идет о специфической проблематике действия и взаимодействия, поскольку оно не может не быть пространственным. Территория тематизируется как «личная» или «социальная» в модусе внимания (наблюдателя или участника). Она является областью борьбы и договора, чувства уверенности или чувства уязвленно-

сти в модусе практической схематизации» [Филиппов, 2008. С. 231]. Также Филиппов вспоминает аргумент Зиммеля о том, что нет «физического пространства как действующей причины социального взаимодействия. Есть определенное значение пространства для тех, кто действует, и для тех, кто за действующими наблюдает и про них пишет. Иначе говоря, холмы, равнины, расстояния, размеры территорий, объемы, плоскости и прочее – все это само по себе не значимо для постижения социальных действий. Значимы действия, взаимодействия и те идеи, схемы, способы поведения, которые так или иначе соотнесены с этими пространственными условиями и образуют вместе с ними единый смысловой комплекс» [Там же. С. 249]. Таким образом, мы можем сказать, что пространство обретает значимость в тот момент, когда становится объектом рефлексии, предметом исследования, при этом культуральный топос может стать ответом на проблемы концепта «умственного пространства» [Лефевр, 2015. С. 19–21], являясь понятием, с одной стороны, ментально-пространственным, а с другой – имеющим привязку к конкретным территориям и местам.

Не менее важной составляющей концепта культурального топоса является темпоральная характеристика: возможность совместно описывать события прошлого, настоящего и представления о будущем. Важность темпоральности при описании пространства, выявлял М. Серто, подчеркивая, что место – это стабильный порядок вещей, а «пространство существует тогда, когда принимаются во внимание векторы направления, скорость и переменная времени. Пространство – это пересечение подвижных элементов. Оно в каком-то смысле оживляется всей совокупностью движений, разворачивающихся внутри него. Пространство – это то, что производится в результате операций, которые направляют его, очерчивают, придают ему темпоральность <...> пространство – это место, которое используется в практике» [2013. С. 218–219]. И если Серто говорит о том, что количество существующих пространств приравнивается количеству пространственных опытов [Там же. С. 219], то мы можем сказать, что «пространственные опыты», протяженные во времени, имеющие культурно-историческую основу, будут культуральным топосом. Более того, по мне-

нию Серто, рефлексия в форме описания, нарративного повествования как практического опыта позволяет структурировать и переструктурировать пространство [2013. С. 225].

В качестве завершения предпринятого описания мы хотим отметить, что спецификой темпоральности культурального топоса, помимо всего прочего, является его историчность, не случайно, по мнению К. Ясперса, «жизнь человека как такового в мире определена его связью с воспоминанием о прошлом и с предвосхищением будущего. <...> Его собственность – неприкосновенное тесное пространство, которое определяет его принадлежность к общему пространству человеческой историчности» [1991. С. 323]. Именно эту принадлежность единому социокультурному пространству, существующему исторически (т. е. во времени), и отражает концепт культурального топоса.

Евразийство как один из культуральных топосов русской миграции межвоенного периода

Рефлексия над исторически значимыми событиями и переломными моментами истории в целом присуща представителям интеллектуальной среды и находит выражение как в художественной форме, так и в форме научных работ. Интеллектуалы русской эмиграции межвоенного периода дополнили плеяду своих современников, пытавшихся осмыслить события, происходящие в мире и родных странах в частности. Воспоминания, литературные произведения и научные работы авторов, эмигрировавших из Российской империи, стали широко доступны читателю в 80-х гг. XX в. и уже в 90-х были частью серьезных академических обсуждений.

Как мы отмечали ранее, фактором, определявшим направление мысли деятелей русской эмиграции, была их отдаленность от родины. Специфика ситуации также заключалась не только в том, что эмигранты не просто не могли вернуться в Россию, но и в том, что даже при условии возвращения найти Россию, которую они оставили, уезжая, уже не было возможности: даже интеллектуалы, которые первое время после революции оставались в России отмечали скорость перемен. «Прошлое во всех видах уходило в историю с невероятной быстротой», – пишет о Москве вышедший

из тюрьмы князь С. Е. Трубецкой [1991. С. 309]. Это соответствует общемировым тенденциям ощущения глобальных общественных перемен, прохождения точки невозврата, «постимперская ситуация межвоенного периода осознавалась интеллектуалами как разлом, духовный кризис, предъявивший очевидное несовпадение ожиданий, сложившихся в рамках прошлого развития культуры и новых обстоятельств» [Черепанова, 2018. С. 101]. В такой ситуации в эмигрантской среде происходят не просто попытки анализа постимперской ситуации, но поиски выхода из сложившихся идеологических, культурных и исторических кризисов, при этом в среде русской эмиграции межвоенного периода, а точнее, после революции 1917 г., формируется особое социально-культурное пространство, которое отгораживается от общеевропейских проблем, «интеллектуалы бывших империй продолжали конструировать символический мир ценностей в горизонте имперской культуры. То есть представлять некую социальную общность (народ, единоверцев и т. п.) как избранную для особой миссии, как выбор титульной нации, “главной” религии-идеологии, готовность в свете этого порядка “найти место” другим этносам и культурам» [Там же]. Это соответствует идеям Ясперса о том, что для спокойного существования и душевного равновесия человеку необходимо иметь представление о целом (культурном, историческом, социальном), некоем единстве, которое было утрачено в среде эмигрантов. Начинают возникать идейные и культурные течения, призванные проанализировать события Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны и сконструировать новую модель существования вдали от дома, найти свое место в новом мире, в ситуации, когда «представляется, будто мы теряем почву под ногами» [Ясперс, 1991. С. 288]. Уже в XXI в. П. Вирно отмечает, что мыслителю для успешной работы нужно удалиться от своего сообщества, и в этом плане «иностранец, как и мыслитель, не чувствует себя “в собственном доме” – в строгом смысле этого выражения – по отношению к публичной жизни и к социально-политическому сообществу. <...> Те, кто не чувствует себя дома в собственном доме, для того чтобы сориентироваться и защититься, должны обращаться к “общим местам” или же к очень об-

щим категориям лингвистического разума; в этом смысле иностранец – всегда мыслитель» [Вирно, 2015. С. 26]. Мыслитель является иностранцем по отношению к своим, а «иностранцы, “бездомное” множество, поневоле достигают статуса мыслителей» [Там же. С. 26–27]. Каким же плодотворным деятелем, в таком случае, будет мыслитель-иностранец? Обилие того интеллектуального наследия, которое мы видим по итогу множественных вынужденных и не вынужденных перемещений людей по карте мира в начале XX в., является ярким тому подтверждением. Далее мы попытаемся доказать, что течение евразийства и его идеи не просто являются продолжением известного спора западников и славянофилов, но становятся частью вышеописанных тенденций межвоенного периода в Европе, а также представляют отдельный культуральный топос.

Евразийское течение, занимавшееся философско-политическим анализом проблем определения русской культуры и ее истории, а также путей будущего развития России, появилось в начале 1920-х. Важно отметить, что «определяя русскую культуру как евразийскую, русские ученые <...> выступают как “осознаватели” русского культурного своеобразия. Красной нитью через все творчество ученых-евразийцев проходит мысль об особом положении России между Европой и Азией» [Челышев, 2002. С. 53], т. е. даже непосредственно находясь на территории Европы, имея позиции в европейских университетах, евразийцы осмысливали особое положение России, определяли ее как особое историко-культурное пространство. Более того, «в социально-философской доктрине евразийцев категория “интеллигенции” неразрывно связана с категорией “правлящего (или ведущего) слоя”. Правящий слой есть активное меньшинство нации, которое задает нормативы обществу, организует общественную жизнь, управляет ею» [Вахитов, 2009. С. 14]. П. Н. Савицкий – один из лидеров евразийского движения считал, что «интеллигенция есть слой образованных людей, чье предназначение – осознать идею-правительницу собственного народа или национальную идею, выразить ее в теоретической форме, как то: философской, научной теории и политической идеологии – и донести ее в популяризованном виде до народа» [1997. С. 15]. Подтверждение этой направленности евразийства мы находим и в переписке Н. С. Трубецкого

с П. П. Сувчинским: «...кроме финансовых вопросов еще более интересуют меня вопросы организационные и пропагандные. Савицкий переслал нефтяника к П. С. Письмо любопытное, и я думаю, что по существу все там написанное – верно. Листовки, упоминаемые там, очевидно, действительно неудачны. Я всегда говорил, что наше дело – работа среди интеллигенции» [Трубецкой, 2008. С. 88].

Можно говорить, что целью евразийцев было формирование и описание особого культурного пространства, основанного на языке, истории, культуре и религии. Поначалу это культурное пространство должно было объединить соотечественников, живущих за рубежом, а со временем проникнуть и распространиться и на территории СССР. На практике это выразилось в том, что евразийцы были в постоянной переписке с единомышленниками и с видными мыслителями эмиграции, публиковали сборники статей и бюллетени для широкой общественности (для евразийцев было важно, чтобы тексты бюллетеней были доступны разным категориям граждан русской миграции, однако успехом эти идеи не венчались и были источником постоянных дискуссий), участвовали в обсуждениях по поводу поддержания и воспроизведения религиозных традиций и даже думали о распространении своих идей через церковные приходы. «Культура должна быть для каждого другая, – пишет Н. С. Трубецкой, – в своей национальной культуре каждый народ должен ярко явить всю свою индивидуальность, при том так, чтобы все элементы этой культуры гармонировали друг с другом, будучи окрашены в один общий национальный тон» (цит. по: [Челышев, 2002. С. 244]).

Со временем идея широкого распространения евразийства как идеологии начинает сходить на нет, происходит раскол движения, а ее авторы продолжают работу в качестве исследователей вопросов языка, истории, культуры и права. Тем не менее внутренние проблемы русского эмигрантского сообщества продолжают занимать важное место в размышлениях евразийцев. Идеи о преемственности традиций и поддержании русского культурного поля, сопряженные восприятием России как особого многонационального пространства, находящегося между Востоком и Западом,

транслировались со страниц писем, дневников и научных статей. Особенно их занимала проблема Русской православной церкви и влияния на нее латинских традиций. По этому поводу в интеллектуальных средах велась порой весьма жесткая полемика. Н. С. Трубецкой писал о том, что «русская эмиграция – стадо без пастыря. Духовная пища этого стада ужасна. Питается она поистине подогретыми экскрементами, т. е. тем, что когда-то было пищей, но давно переварено в желудке “и извержено вон из чрева” и теперь, вновь подогретье, подается эмигранту. <...> Стержень, на котором все должно держаться, есть религия и церковь. Но церковная жизнь эмиграции имеет и бытовую сторону, которая чрезвычайно важна. Приход в эмиграции – единственная форма организации, которая может быть здоровой. Надо стремиться к захвату приходов» [Трубецкой, 2008. С. 46–47]. В письмах же 1923 г. он пишет о невозможности участия в сборнике статей, где будут публиковаться работы «примиренческого» толка, предлагает литературные проекты, посвященные «православным обрядам» и «православным Отцам церкви и подвижникам» [Там же. С. 39, 43]. Практический опыт – неотъемлемая составляющая репрезентации культурального топоса, и в случае евразийства такими практиками, наряду с музыкой, литературой и политическими призывами, были именно церковные ритуалы, которые являются частью повседневных практик.

Заключение

Как мы видим, понятие культурального топоса позволяет описать мозаичные социально-культурные процессы, происходившие в Европе межвоенного периода. Обладая такими характеристиками, как пространственность, преемственность и культурно-историческая идентичность, культуральный топос может быть использован для описания культурно-исторических систем и идейных течений, появившихся в начале XX в., например, евразийства, представители которого, с одной стороны, осмыслили события прошлого, а с другой – пытались сформировать новое культурное пространство, иными словами, были частью общего евразийского топоса, рефлексируя над проблемами культурного пространства русской эмиграции и постимперской России в целом, при этом находясь за грани-

цей и не имея возможности непосредственно участвовать в событиях, происходящих на родине.

Список литературы / References

- Вахитов Р.** Евразийское учение об интеллигенции // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2009. Вып. 40. С. 14–23.
- Vakhitov R.** Evraziiskoe uchenie ob intelligentsii [Eurasianism study about intellectuals]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, vol. 40, p. 14–23. (in Russ.)
- Вирно П.** Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.
- Virno P.** Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow, Ad Mirginem Press, 2015, 144 p. (in Russ.)
- Лефевр А.** Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
- Lefebvre H.** Proizvodstvo prostranstva [The production of Space]. Moscow, Strelka Press, 2015, 432 p. (in Russ.)
- Савицкий П. Н.** Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Savitskii P. N.** Kontinent evraziya [Eurasia continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997, 464 p. (in Russ.)
- Серто М. Д.** Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
- Serto M. D.** Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [Invention of daily life. 1. Art of making]. St. Petersburg, Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013, 330 p. (in Russ.)
- Трубецкой Н. С.** Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Библиотекафонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. 384 с.
- Trubetskoi N. S.** Pisma k P. P. Suvchinskomu: 1921–1928 [Letters to P. P. Suvchinsky]. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e»; Russkii put', 2008, 384 p. (in Russ.)

- Трубейской С. Е.** Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 336 с.
Trubetskoi S. E. Minuvshee [The Past]. Moscow, DEM Publ., 1991, 336 p. (in Russ.)
- Филиппов А. Ф.** Социология пространства. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008. 285 с.
Filippov A. F. Sotsiologiya prostranstva [Sociology of Space]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, 285 p. (in Russ.)
- Чельшев Е. П.** Российская эмиграция: 1920–30-е годы. М.: Граф-Пресс, 2002. 280 с.
Chelyshev E. P. Rossiiskaya emigratsiya: 1920–30-e gody [Russian emigration: 1920–1930s]. Moscow, Graf-Press, 2002, 280 p. (in Russ.)
- Черепанова Е. С.** Культуральный топос как понятие: методологические возможности для исследования постимперской ситуации межвоенного периода // Вестник Перм. ун-та. 2018. Вып. 3 (42). С. 97–106.
Cherepanova E. S. Kul'tural'nyi topos kak ponatie: metodologicheslie vozmozhnosti dlya issledovaniya postimpersloi situatsii mezhoennogo perioda [The notion of cultural topos: methodological potential for studying post-imperial situation of the interwar period]. *Perm University Herald*, 2018, vol. 3 (42), p. 97–106. (in Russ.)
- Ясперс К.** Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
Jaspers K. T. Dukhovnaya situatsiya vremeni [Man in the Modern Age]. In: Smysl i naznachenie istorii [The Origin and Goal of History]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 527 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
05.04.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Сатыбалдина Диана Кайратовна, аспирантка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия)

Diana K. Satybaldina, Postgraduate, Social philosophy chair, Ural Federal University (51 Lenin Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation)

diasatru@gmail.com